

Василий Водовозов

Что читать народу?

Василий Водовозов

Что читать народу?

«Public Domain»

1886

Водовозов В. И.

Что читать народу? / В. И. Водовозов — «Public Domain», 1886

«Автор настоящей „Заметки“, Василий Иванович Водовозов, скончался 17 мая 1886 года (родился в сентябре 1825 года); в последние 20 лет его имя занимало почетное место в ряду наших педагогов; по своей учебной деятельности покойный был известен еще в конце 50-х и начале 60-х годов; с 1866 года он посвятил себя главным образом педагогической литературе, и его труды в этой области, как, например, „Книга для первоначального чтения в народных школах“, справедливо пользуются и до сих пор обширную известностью. В. И. Водовозов был одною из тех симпатичных и цельных натур, которые способны отдать все свое существо на служение одной, раз избранной ими цели...»

Василий Водовозов

Что читать народу?

Автор настоящей «Заметки», Василий Иванович Водовозов, скончался 17 мая 1886 года (родился в сентябре 1825 года); в последние 20 лет его имя занимало почетное место в ряду наших педагогов; по своей учебной деятельности покойный был известен еще в конце 50-х и начале 60-х годов; с 1866 года он посвятил себя главным образом педагогической литературе, и его труды в этой области, как, например, «Книга для первоначального чтения в народных школах», справедливо пользуются и до сих пор обширную известностью. В. И. Водовозов был одною из тех симпатичных и цельных натур, которые способны отдать все свое существо на служение одной, раз избранной ими цели. Рожденный в семье, которая могла привить ему одни узкопрактические цели жизни, воспитанный в специальном коммерческом училище, В. И. Водовозов преодолел невероятные затруднения, чтобы приготовить себя к университетскому экзамену и притом по философскому факультету; менее чем в год он изучил греческий язык настолько, что, поступив в 1843 году на первый курс, он через год не только выдержал дополнительный вступительный экзамен, но и вместе с товарищами – переводный экзамен из первого во второй курс. Печатаемая нами его посмертная записка при всей своей краткости резюмирует весьма обстоятельно те принципы, которых покойный держался неизменно в течение всей своей трудовой жизни – более тридцати лет. Эту записку можно, таким образом, рассматривать как его педагогическую исповедь, которую он оставил на память своим многочисленным почитателям и ученикам. – М. С.

– Что читать народу? – Да разве об этом нужно спрашивать? Не разрешается ли этот вопрос очень просто сам собою? Во всем том, что считает для себя полезным и разумным интеллигенция, – она, вероятно, не откажет и народу, то есть необразованной или малообразованной массе. Цель народного чтения, во всяком случае, – поднять образование этой массы, воспитать ее в духе тех начал, какие везде признаны образованным обществом; а как народ переработает эти начала сообразно своему характеру, какие сделает из них применения для своей жизни, – это уже его дело. Создавать чужую жизнь нельзя: можно только облегчать правильное ее развитие и созидание. Весь вопрос, значит, сводится к тому, какие произведения литературы доступны народу на той или другой степени его развития и как в этом отношении упростить самую науку.

Так все это кажется на первый взгляд ясно и просто; но, к сожалению, далеко не так все это оказывается на деле, и, по мере большого применения к практике, вопрос о том, что читать народу, – у нас все более запутывается и становится головоломным. Чтоб несколько уяснить себе это дело, остановимся сначала на известной книге «Что читать народу?», составленной учительницами харьковской женской школы. Мы не будем подробно разбирать ее, так как о ней уже было довольно отзывов; мы извлечем из нее только некоторый материал для занимающего нас вопроса. Как известно, учительницы харьковской школы обратились прямо к народу для решения этого вопроса, приглашая настоящих и бывших учеников и учениц народной школы давать отзывы о прочтенных ими книгах. Впрочем, опыт был довольно ограниченный: отзывы давались преимущественно ученицами женской воскресной школы, которою учительницы руководили, и лишь в дополнение к ним на некоторые книги получены были письменные ответы из трех окрестных сельских школ. Таким образом, мы должны удовольствоваться почти только тем, что думает о книгах харьковская учащаяся молодежь из народа и в большинстве случаев лишь женская половина этой молодежи. Тем не менее учительницами положено было много усердия и труда в тесном кругу их наблюдений и так же, как по крайней мере им казалось, выказано много беспристрастия.

Мы не будем здесь касаться научного отдела книги, где на вид более выступают знания и педагогическая опытность самих преподавательниц и где дело идет преимущественно о том, чтобы решить, насколько доступны народу те или другие книги по их изложению; мы несколько остановимся лишь на отделе литературном, где яснее видны взгляды и направление слушательниц и самый способ ведения дела, принятый учительницами. Здесь главная заслуга учительниц состоит в следующем: по народным отзывам, они доказали, что народу вполне доступны многие произведения наших классических писателей, как-то: «Записки охотника» и некоторые повести («Муму», «Постоялый двор») Тургенева; малороссийские повести Гоголя; «Ундина» Жуковского; «Мороз – Красный нос» и некоторые другие стихотворения Некрасова; многие комедии Островского («Не в свои сани не садись», «Свои люди – сочтемся», «Воспитанница» и проч.). Правда, указано очень немного; из других отзывов мы знаем, что круг классических произведений, которые могут завлечь грамотных людей из народа, несравненно шире, и уже в настоящее время здесь замечается очень много ступеней развития; но на отзывы харьковских учительниц мы обращаем особенное внимание потому, что они проверены на практике.

Однако настоящая наша задача не в этом указании. Преклоняясь перед авторитетом имени, учительницы и не пытались объяснить, в какой степени может быть содержательно для народа то или другое произведение писателя, признанного почему-либо классическим (к таким писателям отнесен, между прочим, и Григорович): они руководящими вопросами старались только выяснять содержание этих произведений. Что касается остальных книг для народа, то тут они уже не стеснялись выказывать свой педагогический авторитет; но свои суждения они все-таки основывали на приговорах слушательниц. Эти приговоры иногда бывали довольно странными. Учительница давала книгу для прочтения, по ее словам, самой развитой и серьезной из слушательниц старшего возраста, и из ее же сообщения оказывалось, что эта слушательница не понимала самых простых вещей и задавала совсем детские вопросы. Как бы то ни было, выражалось сочувствие или несочувствие к книге, и затем следовал приговор. Но надо сказать правду, что встречаются и очень меткие замечания слушательниц, и особенно что касается изложения содержания, – рассказы учащихся по простоте и выразительности очень часто далеко превосходят рассказ рекомендуемой книжки. Любопытно, однако, знать, что же из всего этого происходило.

Мы узнаем, что ученицы рыдали навзрыд, слушая чувствительные рассказы Григоровича, и приходилось прекращать чтение. «Бедная Лиза» Карамзина также была прочитана и заслужила одобрение, потому что некоторые ученицы при чтении ее проливали слезы. Какая-то графиня Рукополева издала в С. Петербурге для народа книжку, – правда, дешевую, за 2 коп., но поучения в ней – на многие рубли. Тут, между прочим, и воробушек, несмотря на свою бедность и невзрачность, помогает несчастным птицам:

Целый день порхал он всюду,
Всюду зернышки сбирал,
Относил больным соседям,
Бедных песней утешал.

Когда этот воробушек умер, то все птицы о нем плакали; плакали и дети, читая о его похоронах. Книжка, конечно, горячо рекомендуется.

Кроме слез, также и детский смех имел значение при выборе книг. Оказывается, что детям из народа более всего нравятся не сказка Пушкина или что-нибудь подобное, а «Степка-растрепка» Вольфа. Это любимая книжка детей, стоящая, к сожалению, 1 р. 25 к. за 16 страниц. Следовательно, она не по средствам для народной школы; но учительница красноречиво отстаивает свободу детских симпатий и с умилением приводит стихи из книги:

Ай да диво, что за грива!
Ай да ногти, точно когти!
Отчего ж он так оброс?
Он чесать себе волос
И ногтей стричь целый год
Не давал – и стал урод.

После этого уже великанами являются такие писатели, как Чистяков, Погосский, даже Маляревский. Несмотря на их сентиментальность, вычурность, фальшь, которую местами признает и учительница, – все они безусловно одобряются, потому что нравились учащимся. В конце литературного отдела помещены таблицы, указывающие, какие книги пригодны для какого возраста и для какой степени развития. Всех таких степеней означено 6, и некоторые книги удостоились такого внимания, что названы пригодными для всех возрастов и ступеней развития. Какие же это книги? Вместе с рассказами для народа Льва Толстого, сказками Пушкина и Жуковского, которые могли быть полезными, если не всегда по содержанию, то по слогу (хотя сказки Жуковского, конечно, наиболее слабые из всех его произведений), – тут являются: «Конек-горбунок» Ершова, «Иванушка-дурачок» Крылова, «Митина нива» Вучетича, «Веселый дед» Коровина, один сборник повестей и проч.

Сказка «Конек-горбунок», очень умная по содержанию и местами чрезвычайно бойкая по слогу, в то же время отличается грубою неправильностью и небрежностью речи и отчасти старинным ироническим отношением к народу: допустив ее для чтения, ее все-таки ни в каком случае нельзя считать образцовой. Сказка же Крылова – не более, как скучное упражнение в стихотворстве при неудачном желании подделаться под народный слог. «Митина нива» – недурно написанный, но довольно сентиментальный рассказ о том, как, играя цветами, умер ребенок, забытый на ниве. «Веселый дед» Коровина также не отличается изобретательностью: это дед, который пляшет, чтоб развлечь умирающего от голода ребенка, пока чудесно найденный рубль не спасает семьи. В сборнике, о котором мы упомянули, три отрывка: «Старый дворецкий», «Няня» и «Юродивый Гриша». Первый рассказ состоит в том, что старик дворецкий, придя в деревню, вызывается услужить роженице, отправляется за старушкой бабушкой, везет ее на салазках и в темную ночь нечаянно спускает ее в прорубь, после чего идет каяться в монастырь. Во втором рассказе няня ждет не дожидается своего внука; он, наконец, *является* к ней в виде юродивого. Но радость няни продолжалась недолго: внук ушел от нее в монастырь. Третий рассказ (из книги Толстого «Детство и отрочество») также служит к прославлению юродивого с его пламенным благочестием. Мы видим, что этот выбор уже никак нельзя объяснить только сочувствием слушательниц: тут известную роль играли и симпатии самих преподавательниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.